

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2026-20-1-81-94

УДК 339.7(045)

JEL F33, G15, F55

Англо-американское доминирование в системе мировых финансов

А.В. Кузнецов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет. Мировые финансы – сложное и многогранное понятие, связанное с функционированием мирового финансового рынка (МФР), мировой валютно-финансовой системы (МВФС) и мировой финансовой архитектуры (МФА). На МФР происходит распределение и перераспределение финансовых ресурсов между транснациональными компаниями, инвесторами, государственными институтами и международными организациями. МВФС посредством согласованных на международном уровне финансовых инструментов и механизмов способствует осуществлению международной торговли и инвестиций. В свою очередь, функциональность МФР и МВФС обеспечивает мировая финансовая архитектура. Бесперебойная деятельность МФР, МВФС и МФА зависит от способности хозяйствующих субъектов своевременно и в полном объеме финансировать проведение международных транзакций в приемлемых для кредиторов платежных средствах. Между тем, в современных условиях создание международной ликвидности не является предметом межгосударственных соглашений и выходит за рамки контроля со стороны правительственных органов в сферу деятельности наднациональных монополий в основном англо-американского происхождения. **Цель** статьи – обоснование привилегированной роли англо-американских институтов в функционировании современных мировых финансов как причины создания условий неравного обмена в мировой экономике. Автором рассмотрены особенности обращения глобального финансового капитала, обеспечивающего синергию процессов экономической и финансовой глобализации; систематизирована функционально-иерархическая структура институтов мировых финансов; показана роль англо-американских монополий в формировании ограничительных правил и стандартов доступа частных и суверенных заемщиков к ресурсам мирового финансового рынка; описаны причины продолжительного англо-американского доминирования в системе мировых финансов и проблемы реформирования их институциональной структуры. В конце статьи сделан **вывод** о том, что Китаю, как восходящей сверхдержаве, требуется разработка нетривиальных подходов для привлечения на свою сторону государств-союзников, способных создать концептуальную альтернативу однополярному устройству современных мировых финансов.

Ключевые слова: финансовый капитал; финансовые активы; финансовый рынок; ликвидность; монополии; институты; двойные стандарты; неравный обмен; мировой порядок; технологии

Для цитирования: Кузнецов А.В. Англо-американское доминирование в системе мировых финансов. *Мир новой экономики*. 2026;20(1):81-94. DOI: 10.26794/2220-6469-2026-20-1-81-94

ORIGINAL PAPER

Anglo-American Dominance of the World Financial System

A.V. Kuznetsov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The research objective. Global finance is a complex and multifaceted concept associated with the functioning of the global financial market (GFM), the global monetary and financial system (GMFS) and the global financial architecture (GFA). The GFM distributes and redistributes financial resources between transnational companies, investors, government institutions and international organisations. The GMFS facilitates international trade and investment through internationally agreed financial instruments and mechanisms. In turn, the functionality of the GFM and GMFS is ensured by the global financial architecture. The smooth functioning of the GFM, GMFS and GFA depends on the ability of economic entities to finance promptly and fully international transactions in means of payment acceptable to creditors. Meanwhile, in modern conditions, the creation of international liquidity is not the subject of interstate agreements and goes beyond the control of government bodies into the sphere of activity of supranational monopolies, mainly of Anglo-American origin. **The purpose** of the article is to substantiate the privileged role of Anglo-American institutions in the functioning of modern global finance as the reason for creating conditions for unequal exchange in the global economy. The article considers the specific features of the circulation of global financial capital, which ensures the synergy

© Кузнецов А.В., 2026

of the processes of economic and financial globalisation. The functional and hierarchical structure of global financial institutions is systematised. The article reveals the role of Anglo-American monopolies in the formation of restrictive rules and standards for access of private and sovereign borrowers to the resources of the global financial market. The research describes the reasons for the long-term Anglo-American dominance in the system of world finance and the problems of reforming their institutional structure. Therefore, it follows that China, as a rising superpower, needs to develop non-trivial approaches to attract allied states to its side, capable of creating a conceptual alternative to the unipolar structure of modern world finance.

Keywords: financial capital; financial assets; financial market; liquidity; monopolies; institutions; double standards; unequal exchange; world order; technologies

For citation: Kuznetsov A.V. Anglo-American dominance of the world financial system. *The World of the New Economy*. 2026;20(1):81-94. DOI: 10.26794/2220-6469-2026-20-1-81-94

ВВЕДЕНИЕ

Проблема англо-американского доминирования в системе мировых финансов рассматривалась в ряде публикаций автора [1]. Настоящее исследование перекликается с ними и развивает ранее полученные результаты.

Современная система мировых финансов находится под устойчивым воздействием процессов экономической и финансовой глобализации, повышающих взаимосвязанность и взаимозависимость национальных экономик суверенных государств. Экономическая глобализация характеризуется, главным образом, степенью насыщения национальных рынков стандартизированными потребительскими товарами и услугами, производимыми транснациональными компаниями [2]. В свою очередь, финансовая глобализация имеет косвенное отношение к производству товаров и оказанию услуг и отражает не столько стоимостные показатели материальных и нематериальных ценностей, реализованных на мировом рынке, сколько виртуальные величины, связанные с оборотом глобального финансового капитала (ГФК) [3]. «ГФК — это форма финансового капитала, образовавшегося в процессе слияния промышленного и банковского капитала периода монополистического капитализма, адаптировавшегося к современным условиям финансовой глобализации» [4, с. 86]. ГФК представляет собой совокупность финансовых активов стран и международных организаций, инвестированных посредством финансового рынка в различные финансовые инструменты с целью получения дохода.

По определению экспертов МВФ, участие страны в процессах финансовой глобализации определяется уровнем ее включенности в «движение международных финансовых потоков, измеряемой по размеру валовых внешних активов и обязательств страны к ВВП»¹. В данной связи безусловное лидерство принадлежит США, которые через собственные инвестиционные компании контролируют свыше половины глобальных финансовых активов.

¹ URL: <https://www.imf.org/external/np/res/docs/2007/0607.pdf>

Темпы роста совокупного размера последних больше, чем у мирового ВВП, что, по мнению французского экономиста Т. Пикетти, является главным противоречием капитализма [5]. На современном этапе такая опережающая динамика усугубляется проведением «мягкой» денежно-кредитной политики центральными банками ведущих финансовых рынков мира — США, Еврозоны, Великобритании, Японии — эмитентов основных резервных валют. Для преодоления негативных последствий глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. и «ковидкризиса» центральные банки в рамках программ количественного смягчения массово выкупали государственные долговые обязательства на свой баланс и поддерживали низкий уровень процентных ставок, стимулируя таким образом рыночный спрос на активы корпоративного сектора. Непроизводительное увеличение денежной массы привело к всплеску мировой инфляции в течение 2021–2022 гг., для противодействия которой центральные банки перешли к ужесточению условий рефинансирования и распродаже собственного портфеля активов. Результатом рестриктивной денежно-кредитной политики стало снижение темпов роста глобальных финансовых активов, величина которых уменьшилась с 505% в 2020 г. до 454% в 2022 г. относительно размера мирового ВВП (рис. 1).

В специальном исследовании, опубликованном в мае 2024 г., британский журнал *The Economist* рассматривает три основные причины деглобализации мировых финансов: распространение репрессивных экономических мер, главным образом в виде торговых санкций; возрождение спроса на проведение промышленной политики в развитых странах и дисфункциональность глобальных институтов².

Одним из индикаторов деглобализации мировых финансов выступают торгово-инвестиционные потоки многонациональных компаний (МНК)³. Активы

² URL: <https://www.economist.com/briefing/2024/05/09/the-worlds-economic-order-is-breaking-down>

³ Под многонациональными компаниями понимают корпоративные организации, владеющие и контролирующие производство товаров и услуг минимум в одной стране, отличной

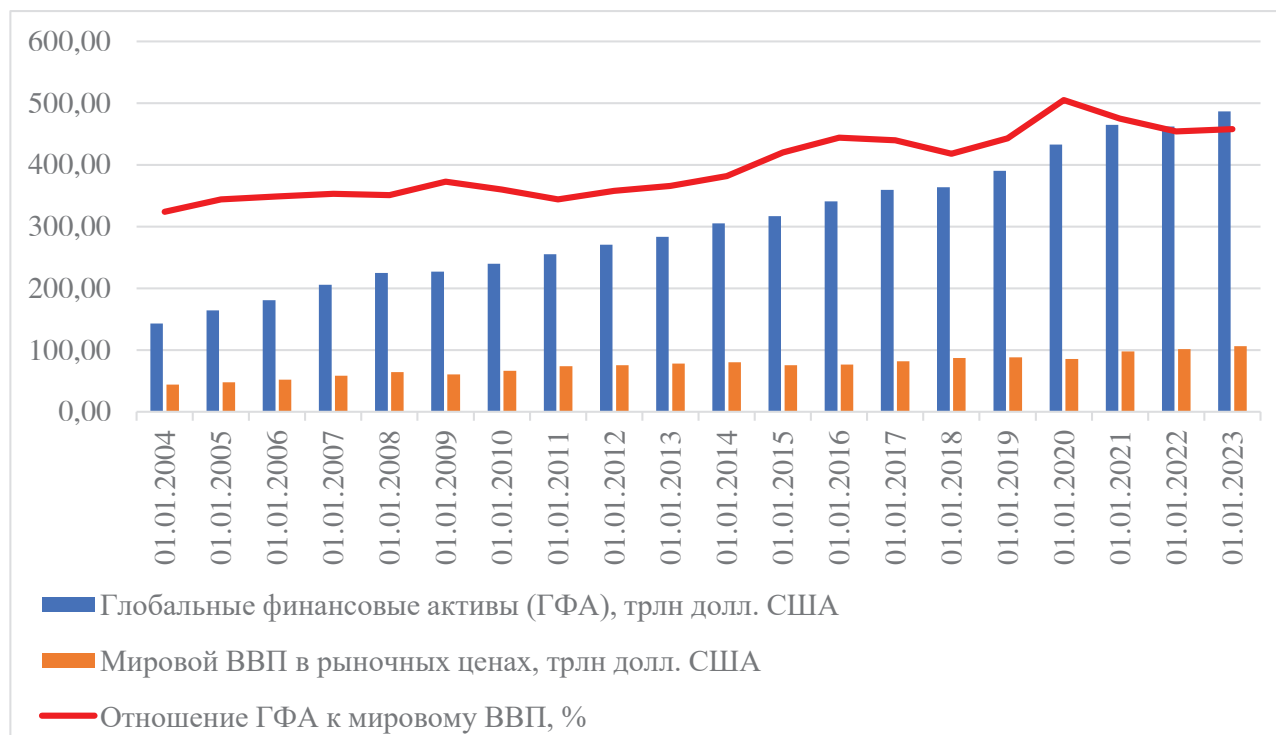

Рис. 1 / Fig 1. Динамика размера глобальных финансовых активов, мирового ВВП и их соотношения в 2004–2023 гг., % / Dynamics of the Size of Global Financial Assets, World GDP and their Ratios in 2004–2023, %

Источник / Source: составлено по: URL: <https://www.fsb.org/2024/12/global-monitoring-report-on-non-bank-financial-intermediation-2024/>; <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> / compiled based on: URL: <https://www.fsb.org/2024/12/global-monitoring-report-on-non-bank-financial-intermediation-2024/>; <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>

иностранных филиалов МНК в период 1990–2016 гг. увеличились в 25 раз. Однако после «ковидкризиса» ситуация резко изменилась. Впервые за последние 20 лет активы и занятость в иностранных филиалах МНК продемонстрировали отрицательную динамику на фоне опережающего прироста ВВП и торговли⁴.

Подобный откат подтверждает обоснованную профессором Гарвардского университета Д. Родриком трилемму мировой экономики, исключающую одновременное достижение трех целей: гиперглобализации (связанной с дальнейшей экспансией глобального капитала), проведения демократической политики и сохранения национального государства [6, с. 408]. Сегодня в мире усиливаются противоречия между национальным государством

и структурами, представляющими глобальный финансовый капитал; ведется оживленная полемика в отношении того, по какому варианту трилеммы будет происходить дальнейшее развитие мировой экономики. С точки зрения предпочтения сохранения национальных государств и завоеваний социальной политики выбор в сторону деглобализации представляется очевидным. Однако получить добровольное согласие с таким выбором от субъектов, заинтересованных в дальнейшей экспансии глобального финансового капитала, кажется сложным. Между тем, по мнению авторитетного британского экономиста, ведущего экономического обозревателя газеты Financial Times М. Вулфа, «стоит произойти еще одному, самое большое — двум крупным кризисам, и радикальный демонтаж глобальной финансовой системы станет возможен. Процесс либерализации финансовых потоков последних трех десятилетий вполне обратим» [7, с. 482].

Как основной движущий фактор процессов глобализации в последние десятилетия, ГФК вовлек на свою орбиту многочисленные государственные, межправительственные и саморегулируемые организации частного сектора, формирующие инсти-

от страны происхождения такой компании. По мере усиления глобального корпоративного контроля и рассредоточения корпоративной собственности между различными юрисдикциями понятия «транснациональная» и «многонациональная» компания используются теперь как синонимы, хотя первоначально к первым относились только те, капитал которых контролировался одним государством.

⁴ В данном случае речь идет, главным образом, о росте торговли в сфере электронной коммерции.

туциональную структуру современных мировых финансов на глобальном, международном, региональном и национальном уровнях. Рассмотрим эту иерархическую структуру более подробно.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ФИНАНСОВ

Глобальный уровень институтов мировых финансов представляют Бреттон-Вудские институты: МВФ, Группа Всемирного банка (ГВБ), Всемирная торговая организация (ВТО)⁵ и Совет по финансовой стабильности (СФС)⁶, деятельность которых направлена на поддержание международной финансовой стабильности, финансирование дефицита платежного баланса и долгосрочного развития, либерализацию международной торговли и инвестиций. Помимо этого, к институтам глобального уровня относятся: «Группа семи» (G7) и «Группа двадцати» (G20), которые занимаются разработкой направлений глобальной макроэкономической политики. Следует однако отметить, что реальные возможности влияния G20 на систему мировых финансов ограничены ввиду того, что МВФ, ГВБ, ВТО, СФС, располагающие операционными возможностями регулирования международных валютно-финансовых отношений и международного движения капитала и инвестиций, не предпринимают каких-либо конструктивных действий без их согласования и одобрения со стороны G7⁷ (рис. 2).

Международный уровень институтов мировых финансов представляют те, что осуществляют мониторинг и координацию работы национальных и международных финансовых органов. К ним относятся: Международная ассоциация органов страхового надзора (МАОСН), Совет по международным стандартам бухгалтерского учета (СМСБУ), Международная организация комиссий по ценным бумагам (МОКЦБ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Банк международных расчетов (БМР) и его постоянно действующие комитеты — Базель-

ский комитет по банковскому надзору (БКБН), Комитет по платежным и расчетным системам (КПРС), Комитет по глобальной финансовой системе (КГФС) и пр. Роль регуляторов выполняют различные неправительственные саморегулируемые профессиональные организации: Ассоциация участников международного рынка капитала (ICMA — International Capital Market Association), Ассоциация участников кредитного рынка (LMA — Loan Market Association), Международная ассоциация свопов и деривативов (ISDA — International Swap and Derivatives Association) и пр. Особая роль регулятора финансового рынка принадлежит Совету по финансовой стабильности, который в составе институтов глобального уровня координирует разработку и соблюдение стандартов поведения участниками различных сегментов финансового рынка.

Региональный уровень представлен региональными банками развития: Межамериканским банком развития (МаБР), Азиатским банком развития (АзБР), Африканским банком развития (АфБР), Евразийским банком развития (ЕАБР), Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новым банком развития (НБР) и пр. К нему же относятся такие региональные финансовые механизмы, как Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ), Многосторонняя инициатива Чиангмай (МИЧМ), Пул условных валютных резервов БРИКС (ПУВР), Арабский валютный фонд (АВФ), Латиноамериканский резервный фонд (ЛАРФ), Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), а также региональные надзорные органы, действующие в рамках региональных экономических объединений стран: Европейский совет по системным рискам (ESRB), Европейский банковский надзорный орган (ЕБА), Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (ESMA) и пр. В компетенции этих институтов: расширение торгово-экономических отношений и региональной интеграции, поддержание платежного баланса (ПБ), содействие гармонизации валютной и денежно-кредитной политики (ДКП) и выполнение надзорных функций в странах — членах региональных экономических объединений.

Наконец, национальный уровень представляют национальные центральные банки, фонды суверенного благосостояния и национальные институты развития. Они отвечают за обеспечение стабильности национальных валют и национальной финансовой системы; регулирование, контроль и надзор за участниками национальных финансовых рынков, а также финансирование проектов социально-экономического развития. Несмотря на то что институты мировых финансов национального и регионального уровня

⁵ Разработчики проекта послевоенного мирового экономического порядка (в частности, Дж. М. Кейнс) планировали создание Международной торговой организации. Однако на Бреттон-Вудской конференции этого сделать не удалось, и в качестве промежуточного решения в 1947 г. было подписано Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), которое до учреждения ВТО, по сути, выполняло функции международной организации.

⁶ СФС был создан в 2009 г. в качестве четвертой опоры глобального экономического управления.

⁷ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2001p2_en.pdf

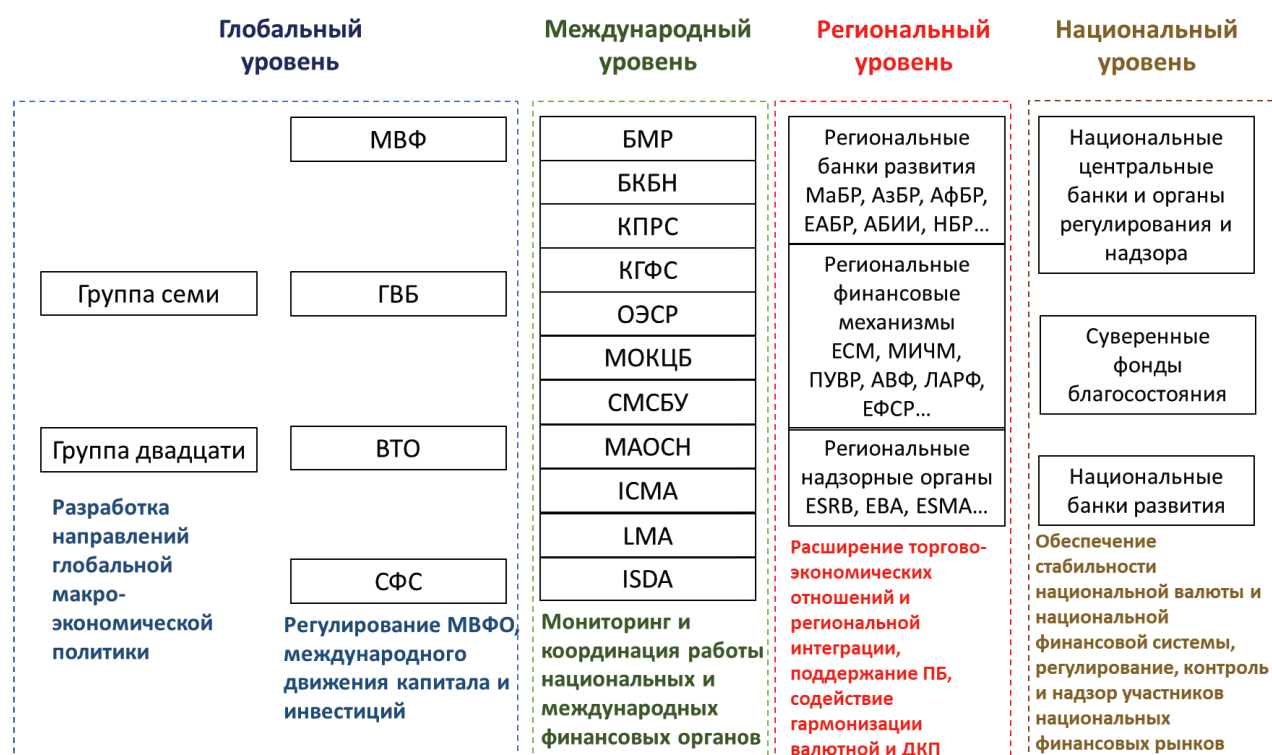

Рис. 2 / Fig. 2. Функционально-иерархическая структура институтов мировых финансов / Functional-hierarchical Structure of World Financial Institutions

Источник / Source: составлено автором / compiled by author.

располагают значительными финансовыми ресурсами, их влияние, как правило, ограничено рамками национальных и региональных экономик. При этом реальное влияние и контроль над международными финансовыми потоками постепенно смещается в сторону институтов глобального уровня, действующих на основе многосторонних межправительственных соглашений [8]. В то же время эффективность их работы существенно ограничена в связи с фактической монополизацией функций глобального финансового посредничества неформальными институтами, непосредственно вовлеченными в процессы создания, распределения и перераспределения международной ликвидности на всех структурных уровнях системы мировых финансов. Для уяснения этого фундаментального противоречия необходимо более подробно рассмотреть сущность феномена неформальных институциональных монополий.

ФЕНОМЕН ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МОНОПОЛИЙ

Современная Ямайская МВФС унаследовала свою институциональную основу от Бреттон-Вудской системы с ключевой ролью Международного валютного фонда и Международного банка рекон-

струкции и развития, решение о создании которых было принято в 1944 г. в ходе работы валютно-финансовой конференции Организации Объединенных Наций. В их задачи входило обеспечение международного валютно-финансового сотрудничества между государствами-членами на многосторонней основе путем контроля над международным движением капитала, поддержания фиксированных паритетов валютных курсов и предоставления им необходимого объема международной ликвидности, главным образом, в виде долларовых кредитов, обеспеченных золотом.

Дерегулирование международного движения капиталов, переход к системе плавающих валютных курсов и отмена конвертируемости долларов в золото привели к тому, что сегодня основной объем международной ликвидности формируется на мировом финансовом рынке, неподконтрольном напрямую международным организациям и правительствам суверенных государств. Отныне возможности и масштабы использования странами международной ликвидности определяются институциональными монополиями [9].

Институциональные монополии — правила и стандарты доступа субъектов международных отношений

к международной ликвидности, разработка и регулирование которых не относится к компетенции национальных государств. Их деятельность обычно не связана обязательствами в рамках межправительственных соглашений и характеризуется высокой степенью анонимности и непрозрачности. Большинство институциональных монополий контролируются частным капиталом и находятся в англо-американской юрисдикции, что, с одной стороны, обуславливает зависимость развития национальных государств от нерегулируемой стихии международных финансовых рынков, а с другой — ставит США и Великобританию в привилегированное положение в управлении мировыми финансами. К основным из них относятся [10]:

- *монополия глобального эталона стоимости*: продвижение доллара США (эмиссию которого осуществляет частная корпорация — Федеральная резервная система) через институты МВФС и инструменты МФР как ключевой валюты международных расчетов, резервов, займов и инвестиций (усредненная доля доллара США во всех сегментах МВФС и МФР составляет более 50%)⁸;

- *монополия ценообразования на рынках сырья*: использование доллара США как эталона мировых цен (котировок) на стратегические товары, которые торгуются на крупнейших биржах и учитываются международной финансовой статистикой;

- *монополия ценообразования на межбанковском валютном рынке*: использование доллара США как базовой валюты торгов за счет занижения курсов национальных валют стран периферии (выступающих в качестве котировочных валют) в ходе установления их стоимости на основе ежедневных внебиржевых котировок на межбанковском валютном рынке (ФОРЕКС), где доля доллара составляет 89% (апрель 2025 г.)⁹;

- *монополия ценообразования на мировом кредитном рынке*: привязка стоимости международного кредита к плавающим процентным ставкам, размер которых определяется ежедневно на основе эталонных ставок межбанковского рынка депозитов, созданных по модели лондонской ставки ЛИБОР [11, с. 242] [переход стран в 2021 г. от ЛИБОР к альтернативным эталонным (безрисковым) ставкам принципиально не изменил логики ценообразования на международном кредитном рынке];

- *монополия кредитных рейтингов*: зависимость эмиссии международных долговых ценных бу-

маг от присвоения кредитных рейтингов со стороны трех ведущих частных американских агентств (на долю «большой тройки» кредитных рейтинговых агентств — S&P Global, Moody's, Fitch — приходится 95% мирового рынка кредитных рейтингов)¹⁰;

- *монополия офшорных юрисдикций*: формирование основного объема глобального финансового капитала (около 70%) через офшорные зоны, наиболее значимые из которых находятся в прямой или косвенной юрисдикции США и Великобритании, включая, помимо Сити Нью-Йорка и Сити Лондона, острова Джерси, Гернси, Остров Мэн, Маврикий, Бермудские острова, Каймановы острова, Гибралтар, Багамские острова, Британские Виргинские острова [12, с. 14];

- *монополия правового регулирования мирового финансового рынка*: обслуживание свыше 60% международных финансовых сделок в англо-американской правовой системе с участием частных юридических компаний¹¹;

- *монополия международной финансовой отчетности*: проверка финансовой деятельности 88% крупнейших компаний мира с годовым оборотом свыше 700 млн долл. США [13] большой четверкой англо-американских аудиторских компаний (Deloitte, PwC, EY, KPMG); разработка на основе английской практики международных стандартов финансовой отчетности (МСФО), пользователями которых сегодня являются 169 стран¹²; автоматический обмен информацией о финансовых счетах хозяйствующих субъектов в 130 странах посредством Единого стандарта отчетности (Common Reporting Standard), созданного на основе американского закона FATCA¹³;

- *монополия глобального корпоративного контроля*: участие американских инвестиционных холдингов (BlackRock, Vanguard Group, Fidelity Investments и других) в капитале и долговых обязательствах наиболее значимых компаний мира. В период 2013–2023 гг. доля американских инвестиционных компаний в управлении глобальными активами увеличилась с 50,7 до 55,5%. Вторую позицию занимают управляющие компании Вели-

¹⁰ URL: <https://theconversation.com/africa-needs-its-own-credit-rating-agency-heres-how-it-could-work-208190>

¹¹ URL: <https://www.thecityuk.com/our-work/uk-legal-services-2024/>

¹² URL: <https://www.ifrs.org/use-around-the-world/use-of-ifrs-standards-by-jurisdiction/>

¹³ URL: <https://web.archive.oecd.org/tax/automatic-exchange/crs-implementation-and-assistance/crs-by-jurisdiction/index.htm>

⁸ URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/ire/ecb.ire202506_annex.en.pdf

⁹ URL: <https://www.bis.org/statistics/rpfx25.htm>

кобритании с долей 6,0%¹⁴. За последнее десятилетие наблюдался рост активов в основном компаний из США, Канады, Китая, Финляндии и Индии. Напротив, многие европейские страны и Япония потеряли долю рынка за этот период;

- *монополия расчетно-платежных систем*: распространение влияния американских корпораций на наиболее значимую инфраструктуру проведения международных расчетов: системы платежных карт (Visa, MasterCard); систему конверсионных платежей CLS, на которую приходится более 70% сделок рынка ФОРЕКС; систему межбанковского обмена финансовыми сообщениями (SWIFT); блокчейн-платформы (Digital Asset, Elwood, Blockdaemon, Anchorage Digital, Coinmetrics, Axoni, Circle, Certic, TRM, Talos, Amberdata, Onyx, Elliptic, Metamask, Consensus, Fireblocks, Coinmetrics, Chainalysis) и др.

Для понимания истоков формирования системы ограничительных правил доступа к глобальным финансовым ресурсам необходимо обратиться к истории становления дискриминационных практик на мировом рынке. Немецкий экономист Ф. Лист в своем фундаментальном научном исследовании «Национальная система политической экономии» (1841 г.) описал приемы, при помощи которых Англия подавляла своих главных конкурентов на мировом рынке путем подписания неравноправных договоров и посредством протекционизма [14]. В качестве примера он, в частности, приводит навигационные акты, впервые принятые английским парламентом в 1651 г. с целью противостояния быстрому развитию торговли и промышленности Голландии; Метуэнский договор 1703 г. об обмене английского сукна на португальское вино по заниженным пошлинам с целью завоевания португальского рынка продукцией английских промышленников, а также Эденский трактат, подписанный в 1786 г. между Англией и Францией в аналогичных целях. Подобная практика впоследствии распространилась на Индию, Китай и Японию, вследствие чего эти изолированные от внешнего мира государства-цивилизации не только были интегрированы в мировую экономику, но и поставлены на длительный период под контроль иностранного капитала — преимущественно англо-американского происхождения. На протяжении почти пяти столетий, вплоть до середины XIX в., для экспансии на зарубежные рынки

Англия практиковала политику государственного протекционизма, одновременно навязав всему остальному миру либеральную доктрину, автором которой является шотландский экономист и философ А. Смит [15].

На современном этапе эти двойные стандарты в модифицированном виде продолжают применяться в рамках процессов финансовой глобализации, что служит основным барьером на пути реформирования институциональной структуры мировых финансов. Монополизация всех сегментов мирового финансового рынка англосаксонскими банками, компаниями по управлению активами, рейтинговыми агентствами, аудиторскими и юридическими компаниями не позволяет конкурентам самоидентифицироваться в системе мировых финансов и вынуждает их взаимодействовать в рамках установленных дискриминационных правил и стандартов поведения.

Предпосылки для англо-американской монополизации сформировались приблизительно 30 лет назад. Дело в том, что до конца 1980-х гг. мировая экономика развивалась в так называемой двухконтурной модели. В то время и государство, и крупный капитал сосуществовали в качестве субъектов воспроизводственного процесса: государство обеспечивало создание социальных благ, включая образование, здравоохранение, безопасность, а капитал обслуживал коммерческую сферу, связанную с созданием потребительских товаров. Однако в конце 1990-х гг. сформировалась Концепция «Третьего пути»¹⁵, когда государство значительно сократило свое участие в воспроизводственных процессах и существенно ослабило роль социально-экономического регулятора, включившись в мультипликацию глобального финансового капитала для извлечения собственной выгоды [16]. Таким образом, интересы и цели государства и финансового капитала, по сути, слились в единое целое.

Причем институты, опосредующие движение глобального финансового капитала, стали активно использовать государственную поддержку (например, в рамках программ количественного смягчения) для покрытия своих многотриллионных убытков, образующихся с начала 2007 г. вследствие глобальных финансовых кризисов.

¹⁵ Концепция «Третьего пути» была положена в основу новой лейбористской политики правительства Великобритании во главе с Тони Блэром, пришедшего к власти в 1997 г. Автором этого теоретического проекта выступил известный британский социолог, директор Лондонской школы экономики Энтони Гидденс.

¹⁴ URL: <https://www.thinkingaheadinstitute.org/research-papers/the-worlds-largest-asset-managers-2024/>

Функционирование институциональных монополий способствовало восстановлению в системе современных международных отношений принципов неэквивалентного обмена между ядром и периферией мировой экономики по аналогии с теми, которыми руководствовались метрополии при выстраивании своих взаимоотношений с колониями и подмандатными территориями в XIX — первой половине XX в. Рассмотрим, как реализуется и к чему приводит этот неравный обмен.

Вследствие функционирования институциональных монополий самая главная политэкономическая категория, а именно *стоимость*, создается не столько за счет факторов производства, приложения творческих сил, энергии, трудовых и прочих материально-вещественных ресурсов, а формируется на виртуальной основе так называемых правил и стандартов. Они, однако, приносят прибыль в основном разработчикам, а остальные субъекты международных отношений несут издержки неэквивалентного обмена. На сегодняшний день сформировалась трехуровневая конструкция институциональных монополий [17]. На верхнем уровне осуществляется обеспечение

стоимостной основы создания глобального финансового капитала, которая формируется посредством привязки торгов на международных товарных биржах и мировом валютном рынке к доллару США как эталонной валюте. На среднем происходит создание инструментов мирового рынка капиталов (как носителей виртуальной стоимости), а на нижнем обеспечивается поддержание их ликвидности, осуществляется контроль за их обращением (в том числе с целью потенциального введения санкций против нелояльных конкурентов). При этом МФР и МВФС формируют своеобразный базис и надстройку в системе неэквивалентного обмена (рис. 3).

Именно институциональная монополизация функций глобального финансового посредничества и приводит к образованию глобальных дисбалансов между ядром и периферией мировой экономики. Центр, поставляя на периферию виртуальный финансовый капитал и вкладываясь в ее высокодоходные долговые обязательства, несет при этом минимальные транзакционные, производственные и какие-либо другие издержки. В свою очередь, периферия для доступа к финансовому капиталу, пре-

Мировая валютно-финансовая система

Рис. 3 / Fig. 3. Трехуровневая конструкция институциональных монополий / Three-level Structure of Institutional Monopolies

Источник / Source: составлено автором / compiled by author.

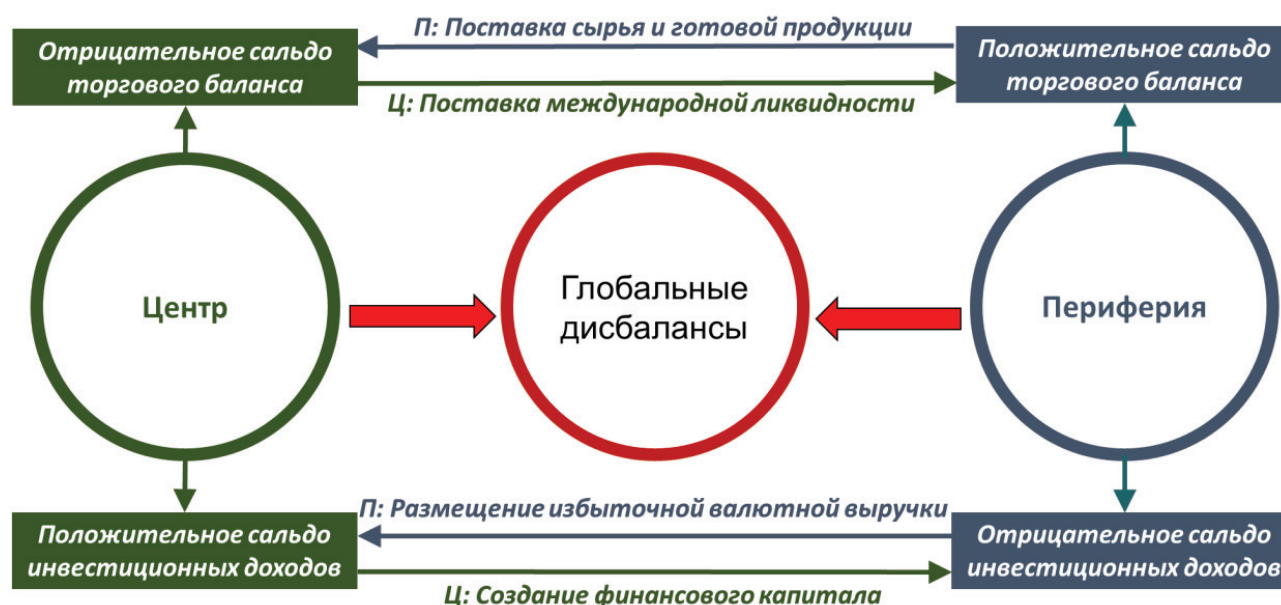

Рис. 4 / Fig. 4. Центр-периферийная модель мировой экономики /
Center-Periphery Model of the World Economy

Источник / Source: составлено автором / compiled by author.

жде всего ассоциирующемуся с международной долларовой ликвидностью, в которой преимущественно выражаются цены на мировом рынке, вынуждена производить взамен за это реальные ценности, блага и процессы, продавать их и размещать полученную выручку в низкодоходные резервные активы стран, выступающих ядрами мировой экономики (в основном в казначейские облигации США) (рис. 4).

Создание реальных ценностей в транзакционных, производственных и материально-вещественных издержках гораздо более затратно, чем виртуальных, стоимость которых все чаще связывается с электричеством, необходимым для генерации цифровых кодов. Как следствие, формируется перевернутая пирамида ликвидности, где виртуальные ценности финансового сектора преобладают над реальными, производимыми в реальном секторе. Причем эта пирамида продолжает выстраиваться в криптоэкономике (например, через обеспечение стейблкоинов американскими долговыми обязательствами¹⁶ или создание Стратегического резерва биткоинов¹⁷), когда цифровые валюты и финансовые активы имеют еще меньшее отношение к созданию реальных ценностей, чем виртуализированный финансовый капитал (рис. 5).

¹⁶ URL: <https://www.investopedia.com/senate-passes-crypto-friendly-genius-act-11757122>

¹⁷ URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/03/fact-sheet-president-donald-j-trump-establishes-the-strategic-bitcoin-reserve-and-u-s-digital-asset-stockpile/>

Поясним причины продолжительного англосаксонского доминирования в системе мировых финансов и проблемы, связанные с реформой их институциональной структуры. Примечательно, что развитие мировых финансов на протяжении последних трех столетий больше зависело от технологий, чем от экономической теории. Причем во всех четырех промышленных революциях англосаксонские страны занимали доминирующие позиции. Сегодня мировая экономика *финансиализирована*, т.е. ее движущей силой служат финансовые, а не экономические отношения. Так, в 2024 г. объем широких денег к ВВП составил 140%¹⁸; совокупная капитализация мирового рынка акций и облигаций достигла рекордного размера — 271,8 трлн долл. (244% мирового ВВП) с долей США — 44,3%¹⁹; общая номинальная стоимость непогашенных валютных и процентных внебиржевых деривативов повысилась до 709 трлн долл. (637% мирового ВВП)²⁰; а потенциал токенизации (оцифровывания) реальных активов за рамками финансовой системы оценивается экспертами в 540 трлн долл. (485% мирового ВВП)²¹.

¹⁸ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FM.LBL.BMNY.GD.ZS>

¹⁹ URL: <https://www.sifma.org/wp-content/uploads/2024/07/2025-SIFMA-Capital-Markets-Factbook.pdf>

²⁰ URL: https://www.bis.org/publ/otc_hy2411.htm

²¹ URL: <https://www.forbes.com/sites/roomykan/2023/06/29/asset-tokenization-a-trillion-dollar-market-opportunity-jpmorgan-blackrock-and-goldman-think-so/>

*Рис. 5 / Fig 5. Перевернутая пирамида
глобальной ликвидности /
The Inverted Pyramid of Global Liquidity*

Источник / Source: составлено автором / compiled by author.

Итак, действующий формат международных финансовых отношений зависит от преобладающих в мировой экономике технологий, определяющих направления трансформации мировой валютно-финансовой системы. Аналогичным образом текущий валютный стандарт связан с выбором доминирующей формы денег, которая, в свою очередь, закладывает основу господствующей экономической доктрины, оказывающей влияние на формирование того или иного типа мировой политической системы или мирового порядка (рис. 6).

Сегодня человечество переступило через порог четвертой промышленной революции. Однако закономерное движение от долларовой к мультивалютному стандарту с последующим переходом к гибридным формам денег, неолиберализму и многополярному мироустройству тормозится. Проволочки парадигмальных трансформаций обусловлены нежеланием прозападных элит отказаться от установившегося экономического порядка. Предположение, что только наиболее передовые технологии могут изменить статус-кво, во многом объясняет текущее технологическое противостояние между США и КНР, которое ряд авторов называют новой холодной войной [18–20].

Однако для создания реального противовеса США Китаю необходимо не только достичь при-

кладного технологического развития наивысшей пробы, но и перейти от имитационных технологий к собственным оригинальным разработкам [21]. В частности, преодолеть зависимость экспорта компьютеров и электроники от американских полупроводников, производство которых контролируется предприятиями с иностранным капиталом [22].

Важную роль в конкуренции за мировую гегемонию играет полупроводниковая промышленность. Поэтому США предоставили огромные субсидии на строительство высокотехнологичных предприятий по производству микросхем внутри страны и приложили большие усилия, чтобы заблокировать Китаю доступ к передовым полупроводниковым технологиям, запретив экспорт инструментов автоматизации электронного проектирования и оборудования для литографии в экстремальном ультрафиолетовом диапазоне [23]. В первую очередь речь идет о Законе о чипах и науке, принятом Конгрессом США в августе 2022 г., в соответствии с которым более 70 млрд долл. направлено в отрасль по производству микросхем, включая инвестиции в высокотехнологичное производство, научные исследования и разработки (НИОКР), а также развитие рабочей силы²². В ответ китайские предприятия увеличили инвестиции в НИОКР за счет государственных субсидий, провели корректировку товарно-материальных запасов и принимают более высокие риски ведения бизнеса [24].

Вместе с тем все эти меры носят паллиативный и оборонительный характер. Для решения вышеописанной проблемы Китаю, помимо разработки оригинальных научных идей и методов их практической реализации, потребуются создать аналог Бреттон-Вудской системы, позволивший США как эмитенту мировой валюты по окончании Второй мировой войны объединить вокруг себя множество государств-сателлитов, гарантировав им беспрепятственное участие в международной торговле под защитой американского военно-морского флота и американоцентричных международных организаций [25]. Успех подобных начинаний зависит от согласия Китая на разделение своих глобальных амбиций с наиболее значимыми государствами Евразии — Россией и Индией, которые могли бы оказать неоценимую интеллектуальную, организационную и военную поддержку в разработке эффективной модели международных финансовых отношений для стран Глобального Юга.

²² URL: <https://www.cfr.org/in-brief/chips-act-how-us-microchip-factories-could-reshape-economy>

Уровни технологической модернизации	Этапы эволюции мировой валютно-финансовой системы	Доминирующие формы мировых денег	Господствующая экономическая доктрина	Тип мировой политической системы
Первая промышленная революция	Золотой стандарт	Обеспеченные	Либерализм	Однополярная
Вторая промышленная революция	Золотодевизный стандарт	Необеспеченные		Дирижизм
	Золотодолларовый стандарт		Биполярная	
Третья промышленная революция	↓ Мультивалютный стандарт		↓ Гибридные	Нео-либерализм
Четвертая промышленная революция		Неодирижизм		↓ Многополярная

Рис. 6 / Fig 6. Соотношение технологических, валютно-финансовых и парадигмальных параметров глобального развития / The Relationship between Technological, Monetary, Financial and Paradigmatic Parameters of Global Development

Источник / Source: составлено автором / compiled by author.

Примечание / Note: стрелки означают невозможность парадигмального перехода вследствие институциональной монополизации системы мировых финансов / the arrows indicate the impossibility of a paradigmatic transition due to the institutional monopolization of the global financial system.

ВЫВОДЫ

Институционально мировые финансы продолжают функционировать в бреттон-вудском формате, формально ориентированном на МВФ и другие межправительственные организации системы ООН. Одновременно «правила игры» непосредственно на мировом финансовом рынке определяются неформальными институтами, неподконтрольными правительствам суверенных государств. В отличие от международных межправительственных организаций, все они являются частными, и доступ к участию в них ограничен для большинства стран мира. Это так называемые институциональные монополии, определяющие правила и стандарты, при помощи которых в системе международного разделения труда фактически устанавливаются и поддерживаются условия для неравного обмена между ядром и периферией мировой экономики.

Неспособность глобальных регуляторов учитывать интересы быстро развивающихся экономик Востока проявляется в росте торговых, валютных и санкционных войн, увеличении военных расходов и прямых вооруженных конфликтов, эскалации кибернетических, энергетических и продовольственных рисков.

Реформирование действующих институтов мировых финансов не представляется возможным, поскольку все они подконтрольны англо-американскому финансовому капиталу, и их деятельность непосредственно связана с обеспечением финансового суверенитета и финансово-экономической безопасности двух государств — архитекторов бреттон-вудского порядка — США и Великобритании.

Китаю, претендующему на признание собственного положения в мире в статусе экономической, финансовой и военной сверхдержавы, в одиночку будет сложно потеснить англо-американский альянс с мирового финансового Олимпа, поскольку последний располагает значительно большими организационными ресурсами (влияние в международных организациях, создание условий для притока умов и талантов практически со всех уголков мира, возможность приватизации результатов субсидируемых государством НИОКР как основы инновационной экономики, популярность англо-американского образа жизни и пр.). Поэтому формирование реальной альтернативы англо-американскому доминированию в системе мировых финансов представляется возможным

только путем создания оригинальных технологий управления международными финансовыми потоками с привлечением к их разработке наиболее

значимые государства Евразии (в первую очередь, Россию и Индию) и упором на развитие собственной уникальной цивилизационной специфики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов А.В. Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(2):190-203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203
2. Levitt T. The globalization of markets. *Harvard Business Review*. 1983;(May). URL: <https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets>
3. Метельская В.В. Финансовый капитал как продукт финансовой глобализации на современном этапе развития экономики. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2019;12(2):219-233. DOI: 10.24891/fa.12.2.219
4. Саввина О.В. Глобальный финансовый капитал. *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. 2013;(36):85-93.
5. Piketty T. Capital in the twenty-first century. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press; 2014. 696 p.
6. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; 2014. 576 с.
7. Вулф М. Сдвиги и шоки: чему нас научил и еще должен научить финансовый кризис. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; 2016. 512 с.
8. Навой А.В. Оценка эффективности деятельности современных международных финансовых институтов: системный методологический подход. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):16-29. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-16-29
9. Звонова Е.А., Кузнецов А.В. Институциональные подходы к монополизации мировой экономики и мировых финансов. *Философия хозяйства*. 2017;(6):90-109.
10. Кузнецов А.В. Институциональные барьеры конкуренции валют в мировой валютной системе. *Финансы и кредит*. 2019;25(10): 2341-2358. DOI: 10.24891/fc.25.10.2341
11. Хунбин С. Война валют. Пер. с кит. М.: Русский выбор; 2015. 528 с.
12. Канашевский В.А. Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирования. М.: Международные отношения; 2018. 328 с.
13. Gordieieva T., Tsaturian A. Analysis of trends and determinants of the “Big 4” companies in the global audit market. *Technology Audit and Production Reserves*. 2023;4(4):6-11. DOI: 10.15587/2706-5448.2023.286076
14. Лист Ф. Национальная система политической экономии. Пер. с нем. М.: Европа; 2005. 392 с.
15. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2011. 384 с.
16. Shaxson N. The finance curse: How global finance is making us all poorer. London: The Bodley Head; 2018. 361 p.
17. Кузнецов А.В. Влияние геополитической ситуации на формирование новой мировой финансовой архитектуры: вызовы и возможности для России. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(4):17-29. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-17-29
18. Buzan B. A new cold war?: The case for a general concept. *International Politics*. 2024;61(2):239-257. DOI: 10.1057/s41311-024-00559-8
19. Tung R.L., Zander I., Fang T. The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research. *International Business Review*. 2023;32(6):102195. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2023.102195
20. Бабаев К.В. Вторая холодная война. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024;(8):5-15. DOI: 10.31857/S2686673024080013
21. Zheng Y. The middle technology trap: China in a comparative perspective. *Asian Review of Political Economy*. 2024;3(1):11. DOI: 10.1007/s44216-024-00030-8
22. Дмитриев С.С. Американо-китайское технологическое соперничество: от «высокомерия» к бойкоту. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;64(12):70-77. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77
23. Kim Y., Rho S. The US-China chip war, economy-security nexus, and Asia. *Journal of Chinese Political Science*. 2024;29(3):433-460. DOI: 10.1007/s11366-024-09881-7
24. Hu H., Yang S., Zeng L., Zhang X. U.S.-China trade conflicts and R&D investment: Evidence from the BIS entity lists. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024;11:829. DOI: 10.1057/s41599-024-03369-8

25. Зейхан П. Конец мира — это только начало: Экономика после краха глобализации. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; 2025. 660 с.

REFERENCES

1. Kuznetsov A. V. Imperatives for transformation of the international monetary system in the conditions of multipolarity. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(2):190-203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203
2. Levitt T. The globalization of markets. *Harvard Business Review*. 1983;(May). URL: <https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets>
3. Metel'skaya V. V. Financial capital as a product of financial globalization at the present stage of economic development. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*. 2019;12(2):219-233. (In Russ.). DOI: 10.24891/fa.12.2.219
4. Savvina O. V. Global financial capital. *Uchenye zapiski Rossiiskoi Akademii predprinimatel'stva = Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2013;(36):85-93. (In Russ.).
5. Piketty T. Capital in the twenty-first century. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press; 2014. 696 p.
6. Rodrik D. The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy. New York, NY: W. W. Norton & Co.; 2012. 368 p. (Russ. ed.: Rodrik D. Paradoks globalizatsii: demokratiya i budushchee mirovoi ekonomiki. Moscow: Gaydar Institute Publ.; 2014. 576 p.).
7. Wolf M. The shifts and the shocks: What we've learned — and have still to learn — from the financial crisis. New York, London: Penguin Books; 2015. 528 p. (Russ. ed.: Wolf M. Sdvigi i shoki: Chemu nas nauchil i eshche dolzhen nauchit' finansovyi krizis. Moscow: Gaydar Institute Publ.; 2016. 512 p.).
8. Navoy A. V. Towards the efficiency of modern international financial institutions: Systemic methodological approach. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2023;17(4):16-29. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-16-29
9. Zvonova E. A., Kuznetsov A. V. Institutional approaches to monopolizing world economy and world finance. *Filosofiya khozyaistva = Philosophy of Economy*. 2017;(6):90-109. (In Russ.).
10. Kuznetsov A. V. Institutional barriers to currency competition in the international monetary system. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2019;25(10):2341-2358. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.25.10.2341
11. Hongbing S. The currency war. Transl. from Chin. Moscow: Russkii Vybor Publ.; 2015. 528 p. (In Russ.).
12. Kanashevskii V. A. Offshore companies and trusts. Anti-offshore regulation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2018. 328 p. (In Russ.).
13. Gordieieva T., Tsaturian A. Analysis of trends and determinants of the “Big 4” companies in the global audit market. *Technology Audit and Production Reserves*. 2023;4(4):6-11. DOI: 10.15587/2706-5448.2023.286076
14. List F. Das nationale System der politischen Ökonomie. Stuttgart, Tübingen: Cotta Verlag; 1841. 352 p. (Russ. ed.: List F. Natsional'naya sistema politicheskoi ekonomii. Moscow: Evropa Publ.; 2005. 392 p.).
15. Reinert E. S. How rich countries got rich... and why poor countries stay poor. New York, NY: PublicAffairs Books; 2008. 400 p. (Russ. ed.: Reinert E. Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi. Moscow: HSE Publ.; 2011. 384 p.).
16. Shaxson N. The finance curse: How global finance is making us all poorer. London: The Bodley Head; 2018. 361 p.
17. Kuznetsov A. V. The influence of the geopolitical situation on the formation of a new global financial architecture: Challenges and opportunities for Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2022;15(4):17-29. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-17-29
18. Buzan B. A new cold war?: The case for a general concept. *International Politics*. 2024;61(2):239-257. DOI: 10.1057/s41311-024-00559-8
19. Tung R. L., Zander I., Fang T. The Tech Cold War, the multipolarization of the world economy, and IB research. *International Business Review*. 2023;32(6):102195. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2023.102195
20. Babaev K. V. Cold War II. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024;(8):5-15. (In Russ.). DOI: 10.31857/S2686673024080013
21. Zheng Y. The middle technology trap: China in a comparative perspective. *Asian Review of Political Economy*. 2024;3(1):11. DOI: 10.1007/s44216-024-00030-8

22. Dmitriev S. S. U.S.-China technological rivalry: From “arrogance” to boycott. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = *World Economy and International Relations*. 2020;64(12):70-77. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77
23. Kim Y., Rho S. The US-China chip war, economy-security nexus, and Asia. *Journal of Chinese Political Science*. 2024;29(3):433-460. DOI: 10.1007/s11366-024-09881-7
24. Hu H., Yang S., Zeng L., Zhang X. U.S.-China trade conflicts and R&D investment: Evidence from the BIS entity lists. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024;11:829. DOI: 10.1057/s41599-024-03369-8
25. Zeihan P. The end of the world is just the beginning: Mapping the collapse of globalization. New York, NY: Harper Business; 2022. 512 p. (Russ. ed.: Zeihan P. Konets mira — eto tol'ko nachalo: Ekonomika posle krakha globalizatsii. Moscow: Alpina Publisher; 2025. 660 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Владимирович Кузнецов — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Aleksei V. Kuznetsov — Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Professor of Chair of world economy and world finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>
kuznetsov0572@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.08.2025; после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 12.01.2026.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 20.08.2025; revised on 11.09.2025 and accepted for publication on 12.01.2026.
The author read and approved the final version of the manuscript.